

СИЛА
МЫСЛИ

ХАКИМ
БЕЙ
ПИТЕР
ЛАНДЛОУ

КРИПТОАНАРХИЯ

ВЛАСТЬ И СВОБОДА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Хаким Бей
Питер Ландлоу
Криптоанархия. Власть и
свобода в киберпространстве
Серия «Сила мысли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74432486
Криптоанархия. Власть и свобода в киберпространстве : Родина;
Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-486-0

Аннотация

Перед вами – один из ключевых текстов, определивших дискуссию о цифровой свободе, суверенитете киберпространства и будущем интернета. Хаким Бей и Питер Ландлоу ещё в 1990-е годы предвидели сегодняшние вызовы, связанные с приватностью, шифрованием и государственным контролем в Сети.

Через призму анархизма здесь исследуются возможности создания виртуальных сообществ, свободных от традиционных правительств, эксперименты с самоуправлением в цифровых мирах, а также утопические и антиутопические сценарии развития киберпространства. Книга предлагает взглянуть на

интернет как на поле для политических инноваций, где технологии криптографии становятся инструментом защиты личной свободы и основой для новых форм социальной организации.

Это издание – не только исторический документ, но и источник вдохновения для всех, кто интересуется цифровыми правами, сетевыми свободами, теорией виртуальных государств и этикой анонимности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии	6
Предисловие	6
Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии	19
Криптоанархия	27
Смещение границ	35
Появление законодательства в киберпространстве	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Хаким Бей, Питер Ландлоу

Криптоанархия.

Власть и свобода в киберпространстве

© Бей Х., 2025

© Ландлоу П., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии

Питер Ландлоу, Хаким Бей

Предисловие

Хаким Бей

Когда я готовил к изданию книгу «Полдень на электронном фронтире» («High Noon on the Electronic Frontier», MIT Press, 1996), то стремился собрать вместе отдельные неакадемические «проповеди и манифесты», отличавшиеся провокационностью и вызывавшие интерес постановкой философских проблем. Осенью 1994 года я читал базовый университетский курс под названием «Философские вопросы на электронном фронтире». Я планировал начать со статьи Джулиана Диббеля «Изнасилование в киберпространстве» из еженедельника Village Voice и затем перейти к более традиционным работам, которые обычно можно разбирать на занятиях по компьютерной этике. Сначала все шло очень даже неплохо, но стоило нам дойти до известных академических трудов в этой области, как мой класс дружно впал в коллективную кому. Так что я сделал то, что в подобных об-

стоятельствах сделал бы любой трезвомыслящий человек, — умыл руки. Я вернулся назад, чтобы предложить студентам ознакомиться с более «подходящими» проповедями и манифестами, которые легко найти в киберпространстве, но практически невозможно отыскать в учебниках.

Когда я обратился к более эксцентричным текстам, класс очнулся от спячки (*а это очень важное условие, если ты пытаешься кого-то чему-то научить*) и студенты действительно начали серьезно размышлять о каких-то уже не поверхностных вопросах, лежащих в основе электронных обсуждений, которые им было задано прочитать. И это не должно вызывать удивления, если подумать. Львиная доля академической писанины, посвященной киберпространству, просто ужасна: либо она отдает постмодернистской фразеологией, либо представляет собой некачественную социологию, через дебри которой невозможно пробраться. Если меня самого клонит от такого в сон, почему это не может произойти со студентами? Кроме того, даже студентам порой больше удовольствия доставляет что-то додумать самостоятельно, а не получать готовое решение. Иногда мы, ученые, можем прямо-таки анатомировать предмет изучения, обсасывая его до последней косточки, хотя, возможно, было бы лучше просто сформулировать проблему так, чтобы она могла заинтересовать, а потом отойти в сторонку.

Вместе с тем меня волновало, станет ли ясен мой замысел читателям. Как они среагируют? Недовольно поморщатся,

увидев, что я придал этим жестким и подчас резким статьям полновесный статус, поместив их рядом с серьезными научными работами, или все же поймут, что статьи были включены в сборник для того, чтобы положить начало обсуждению или скорее позабавить и не претендовать на последнее слово о природе киберпространства?

В итоге я обнаружил, что большинство читателей не только поняли мою идею, но и откликнулись на нее с неожиданным энтузиазмом. Меня удивило количество благосклонных отзывов, поступивших от критиков. Благожелательные комментарии от Internet Underground – это нормальное дело, но вот одобрительного отклика от Times Higher Education Supplement ожидать было трудно. Между тем Chronicle of Higher Education опубликовала процитированный выше отрывок из «Полдня на электронном фронтире» в своей рубрике «Разное».

Естественно, я начал ломать голову о причинах такой сильной реакции. С одной стороны, мне казалось, что столь широкий отклик объясняется скрытой враждебностью к научному, строго академическому дискурсу: слишком много сообразительных «любителей» оказывались за рамками дискуссии, которая могла бы привлечь их и в которую, не исключено, они внесли бы какой-то ощутимый вклад.

Если же брать научное сообщество, то, наверное, профессиональные исследователи чувствовали ограничения, накладываемые «чистым» академическим дискурсом. Возможно,

эта фрустрация уже дала о себе знать благодаря популярному сегодня в определенных научных кругах словесному салату а-ля Деррида. Так или иначе, я пришел к выводу, что многие ученые – вроде меня самого – задумывались о способе расширить возможности языка науки, с тем чтобы сделать его менее сухим, более доступным и в то же время наделить его способностью передавать ту энергетику и волнение, сопутствующие многим из нас в процессе исследования (то самое волнение, которое нашим журнальным статьям хронически не удастся передать).

Итак, замысел «Полдня на электронном фронтире» себя оправдал. После этого успеха мне пришла в голову мысль, а что если распространить общий подход к такому модному предмету, как сущность киберпространства, на темы, имеющие отношение к политической философии (хотя и с уклоном в киберпространство). Можно ли составить сборник, включив туда нетрадиционные статьи смышленных непрофессионалов, которые рассказали бы читателям о ключевых концептуальных проблемах, связанных с возникновением властных структур в рамках онлайн-сообществ или даже с представлениями о политическом суверенитете, оформляющем некоторые из этих сообществ? Я надеялся, что это возможно.

Взять, к примеру, тему анархии. По какой-то причине большинство из нас считают, что анархисты – это самые настоящие фрики с длинными лохмами, швыряющие бутылки

с коктейлем Молотова в окна добропорядочных банков. На самом деле анархия не имеет ничего общего с такими представлениями. Как становится ясно из интервью с Ноамом Хомским, которое дается в приложении [к настоящей антологии], анархия – это скорее утверждение, согласно которому присутствие иерархической власти в обществе должно быть обязательно оправдано (это часто можно сделать). Однако если институты власти такого обоснования не получают, их надлежит расформировать. Здесь не идет речь о полном отказе от власти или морали (совсем наоборот – автономность накладывает огромное нравственное бремя на каждого из нас).

Причина, по которой обсуждение анархии в контексте киберпространства вызывает интерес, проста: широкая доступность различных технологий (таких, как криптография с открытым ключом), похоже, делает определенные анархистские идеалы достижимыми, если не неизбежными. Другими словами, криптография и связанные с ней технологии, подобные анонимным ремейлерам и электронной наличности, могут ослабить концентрацию власти в знакомой нам форме (в форме национального государства, к примеру), таким образом предоставив возможность взять на себя гораздо больше личной ответственности.

Анархия не единственно возможный вариант развития событий по мере колонизации киберпространства. Мне кажется, можно ожидать многочисленных экспериментов с раз-

личными правовыми системами в разных виртуальных сообществах. Прекрасным примером может служить эксперимент с властной структурой в рамках Lambda MOO, в которой был совершен переход от аристократии (в данном случае управление находилось в руках «магов») к «Новому курсу» (главный эксперимент Lambda MOO по введению демократии) и обратно к аристократии. Самое примечательное, что все эти изменения и их обсуждение поступили в архив. Какой фантастический источник для изучения процесса возникновения и развития политических структур в виртуальных сообществах! Я считаю, что MOO и прочие виртуальные сообщества действительно можно рассматривать в качестве полигона для испытания властных структур, которые появятся в новом тысячелетии. Многие из этих опытов провалятся, и все-таки новые и более совершенные властные структуры обязательно сформируются – уже с учетом разнообразных вариантов в возможных экспериментальных условиях.

Осуществятся ли в киберпространстве известные утопии? Об утопиях мы слышаны со времен Томаса Мора (хотя на самом деле – еще с платоновского «Государства»), но пока в реальном мире не случилось ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало описанные утопии. Это, наверное, оттого, что мы ждем какой-то масштабной, даже глобальной утопии. Для настоящей утопии, скорее, характерен небольшой размах, общинность и скоротечность существования.

В этой связи, пожалуй, можно сказать, что Интернет создает возможность возникновения утопий в разных удаленных уголках киберпространства – на «островах в Сети», если воспользоваться выражением Брюса Стерлинга.

Это всего лишь несколько общих тем, которых я хотел коснуться, но есть и другие, которые тоже можно было бы рассмотреть. Тем не менее они остались за кадром, и это нельзя не заметить. Так, например, я умышленно избегал говорить о таких важных вопросах виртуального законодательства, как цензура в Сети, осуществляемая правительством, право доступа в Интернет и т. д. Без сомнения, эти вопросы имеют большое значение, однако они возникают вокруг отношений между существующими властными структурами и Сетью. В данном же случае я больше заинтересован в анализе возникновения новых властных структур внутри Сети, чем в рассмотрении попыток установления законного суверенитета над Сетью. Я нахожу эти вещи концептуально интересными, и если сегодня они кажутся несущественными или оторванными от реальности, в свое время, я думаю, они обретут исключительную важность для понимания тех сложных миров, в которых мы обитаем.

Несмотря на отсутствие четкой структуры в некоторых сборниках по киберпространству, мне кажется, что изложение и представление данного материала требует некой линейной логики. В первом разделе мы обсуждаем проблему суверенитета Интернета, и открывает дискуссию статья

Джона Перри Барлоу «Декларация независимости киберпространства». В ней содержится дерзкое заявление о том, что обычные государства не имеют законной власти над киберпространством. Неудивительно, что статья Барлоу вызвала шквал критики: автора обвинили в том, что он предлагает своего рода бегство от реальности. Другие же полагают, что эта критика может оказаться поспешной.

Чем бы ни обернулась политическая независимость для киберпространства, было бы ошибкой считать, что ее достижение невозможно по технологическим причинам. Во втором разделе мы обращаем внимание на то, что широкий доступ к таким ресурсам, как Pretty Good Privacy (программа шифрования данных) и анонимные ремейлеры, создает возможность криптоанархии, старательно подготавливая почву для тех видов деятельности, которые выходят за пределы влияния государства и других традиционных форм власти.

Как станет ясно в дальнейшем, автономные от государства пространства возникают не обязательно под воздействием криптоанархии: во многом этот процесс протекает без помощи технологий шифрования. Статьи, составляющие третий раздел, показывают, что рост коммерческой деятельности в Интернете порождает вопросы установления законной юрисдикции и налогообложения, в свете чего географические границы существующих государств, по-видимому, перестают иметь значение. Скорее всего, будут введены варианты независимой онлайн-юрисдикции, и впоследствии

они во многом сохраняют свою независимость от обычных органов власти.

Хаким Бей.

Если возникновение политически автономных островов в

Сети действительно станет возможным, то какие же властные структуры появятся в этом случае? Как мы увидим из материала, объединенного в четвертом разделе, поле для экспериментов огромно. На самом деле эксперимент уже идет полным ходом. В результате подобных экспериментальных проектов, разворачивающихся в условиях полного беззакония и доходящих до демократии, развивающихся от виртуальных аристократий к демократическим режимам, и, по крайней мере, в одном случае – от аристократии к демократии и обратно к ограниченной аристократии – возник ряд онлайн-сообществ, в том числе MUD и MOO. Проводились эксперименты и в области виртуального законотворчества с внедрением виртуальных судей и различных форм виртуальных наказаний. Чему мы можем научиться на основе этих экспериментов? Что они могут нам рассказать о властных структурах, которые возникнут на островах в Сети в будущем? Положат ли они начало формированию беспристрастных и справедливых институтов управления, которые будут уважать нравственную независимость индивидуума? Или они повторят путь, которым идут правительства в реальном мире?

Есть немало людей, доказывающих, что возникающим в Интернете властным структурам нет необходимости повторять судьбу правительств реального мира. Действительно, отдельные авторы пропагандируют утопическое представление о том будущем, которое настанет в результате появления

этих островов в Сети. Другие утверждают, что это чистой воды эскапизм, характерный для наступления миллениума. Но опять же не исключено, что подобная критика объясняется непониманием особенностей ожидаемых утопий – не постоянных властных структур, поражающих своим размером, а скорее кратковременных, изолированных «пиратских утопий».

Чья же точка зрения оказывается верной? В каком-то смысле это не важно. Если в результате рождение Интернета и возникновение криптоанархии на Западе в начале нового тысячелетия вызывает у нас утопические видения, то, может, это к лучшему, даже если эти представления никогда не станут явью. Мы так редко по-настоящему задумываемся о политических структурах, существующих в наше время. Если, для того чтобы заставить нас размышлять, необходима какая-то новая технология и приход нового тысячелетия, то давайте будем благодарны за то, что эти условия у нас есть. Ибо несомненно, что политические возможности, доступные нам на сегодняшний день в реальном мире, незначительны. Лучше всего это видно на примере Соединенных Штатов, где различия между республиканской и демократической партией крикливо подаются как кардинальные, а переход власти от одной партии к другой называется революцией, тогда как в действительности разница между республиканцами и демократами почти незаметна. Возможно, все эти вещи начинают бросаться в глаза лишь тогда, когда мы

внимательно вглядываемся в политический ландшафт, охватывая взором последние десять веков, а не жалкий десяток дней. Быть может, для того чтобы вдохновить нас на раздумья о том, что могло бы быть и – что еще важнее – как должно быть, необходимы утопические представления, – представления, основанные на развивающихся информационных технологиях нашей эпохи.

В конечном счете главная цель этого сборника заключается не в стимулировании новых утопий или даже более глубоких размышлений о возможных властных структурах. Важнее всего получить удовольствие, анализируя все эти возможности. В итоге получилось, что героями этой работы стали маг Хаакон, парочка киберпанков, разные писатели-фантасты, журналисты, владельцы ранчо, университетские преподаватели и кое-кто еще вроде Хакима Бея. Это, конечно, разношерстная компания, но она не более эклектична, чем онлайн-мир сам по себе. Я надеюсь, что этот сборник отражает примеры многообразных точек зрения, бытующих сегодня в онлайн-мире, и что он демонстрирует потрясающую креативность и энергию обитателей этого мира. На мой взгляд, именно здесь и проходит реальная вечеринка по случаю смены тысячелетий. Может стать так, что в будущем киберпространство колонизируют деловые костюмы, превратив его в громадный пригородный торговый центр, и участникам вечеринки придется разойтись. Но мораль этого сборника такова, что эту вечеринку нельзя разогнать раз и

навсегда – когда-нибудь она начнется снова на одном из островов в Сети. И под конец самое приятное: если вы можете отыскать нас, то вас примут с распростертыми объятиями. Там и увидимся!

Хаким Бей.

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии

Суверенитет киберпространства

Восьмого февраля 1996 года, вскоре после подписания президентом Биллом Клинтоном Закона о телекоммуникациях (Telecommunications Act of 1996) (куда вошел и Communications Decency Act – Закон о благопристойности в коммуникациях), Джон Перри Барлоу разместил в Интернете свою «Декларацию независимости киберпространства». Декларация (см. § 2) начиналась так:

«Декларация независимости киберпространства. Правительства индустриального мира, вы, бессильные гиганты из плоти и стали, я пришел к вам из Киберпространства, новой обители Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом, – оставьте нас. Вы – незваные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы.

У нас нет выборного правительства и, скорее всего, не будет, и я обращаюсь к вам именем лишь той власти, которой говорит сама свобода. Я объявляю глобальное социальное пространство, которое строим мы по природе независимым от тирании, которую вы пытаетесь нам навязать. У вас нет

морального права управлять нами, нет у вас и таких методов принуждения, которых мы имели бы основания бояться.

Правительства получают свою власть по соглашению с управляемыми. Вы не просили и не получали нашего согласия. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас и не знаете нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как завод или жилой квартал. Вы не можете. Это природное образование, которое развивается самостоятельно через посредство наших коллективных действий.

Вы не участвовали в нашем обширном и объединяющем общении, не вами создано изобилие наших рынков. Вы не знаете нашей культуры, нашей этики и тех неписаных правил, которые уже сейчас обеспечивают больше порядка в нашем обществе, чем могли бы обеспечить любые ваши установления.

Вы заявляете, что у нас есть проблемы, которые вы должны решить. Вы используете это заявление как оправдание для вашего вторжения в наши пределы. Многих из этих проблем не существует. Там, где есть реальные конфликты, где есть виновные, мы определим их и разберемся с ними нашими средствами. Мы подготовим наш собственный Общественный Договор. Это управление будет действовать в соответствии с условиями нашего мира, не вашего. Наш мир – другой».

Да, сильно сказано, ничего не скажешь, но, может, это

просто бред сумасшедшего? Как вообще мы можем рассуждать о киберпространстве как о реальном месте с собственными властными структурами – вот что я имею в виду. Точнее говоря, к чему Барлоу тратит время на эти оторванные от реальности бредни, когда вокруг полно серьезных политических проблем, которые необходимо решать? Например, борьба с цензурой в Интернете через судебную систему и Конгресс или противодействие введению ограничений на криптографию. Обеспечение доступа в Интернет малоимущим и лишенным гражданских прав людям – чем не реальная проблема? Дел просто невпроворот, поэтому может ли быть что-то менее полезное, чем декларация Барлоу? Может, она просто сводится всего лишь к призыву отказаться от реальности?

Именно так некоторые критики рассматривают статью Барлоу. К примеру, Дэвид Беннахам (§ 4) утверждает, что в действительности мы не живем в киберпространстве, и поэтому даже не совсем ясно, как это в принципе выглядит – жизнь в киберпространстве:

«Мне хотелось бы знать, что имеется в виду под словами о подготовке общественного договора для киберпространства, договора, претендующего на аутентичность и правомочия конституции. В теории это выглядит замечательно, однако в действительности я ведь нахожусь не в киберпространстве. Я живу в городе Нью-Йорк, в штате Нью-Йорк, в Соединенных Штатах Америки. Подозреваю, что я воспринимаю

сказанное слишком уж буквально. Надо полагать, мой „разум“ пребывает в киберпространстве, и это именно то, что действительно имеет значение. А моя рудиментарная плотская оболочка, известная мне как тело, обретается в Нью-Йорке. Государственное управление, география, мое тело – все это сейчас выходит из употребления, как поясняет Барлоу, „благодаря киберпространству, этой новой обители разума“».

С Беннахамом полемизирует Дэвид Брин (§ 3). Что бы там ни подразумевалось под киберпространством, считает он, в любом случае это некое развлечение. Брин замечает, что примерно в то время, когда Барлоу обнародовал свою «Декларацию», правительство Китая призывало всех пользователей Интернета регистрироваться в полиции – вот о чем нужно беспокоиться:

«Попробуйте оценить следующее газетное сообщение, оказавшееся погребенным под жуткими рассказами про Закон о телекоммуникациях 1996 года и захватывающим манифестом Барлоу в защиту независимости Сети:

„Правительство заставляет пользователей сети регистрироваться в полиции“».

Какое правительство? Что скрывается за этими звездочками? Откуда вообще взялась эта ложь? А вот и ключ к разгадке. Такая политика затрагивает интересы более чем миллиарда людей, распространяя свое воздействие далеко по ту сторону океана. Под конец Брин выдает следующее за-

явление, под которым, без сомнения, подпишутся многие: IAAMOAC!

Ричард Барбрук (§ 5) теряет всю свою благожелательность, доказывая, что в разглагольствованиях Барлоу проявилось некое разочарование, наступившее в результате столкновения либертарианской идеологии с суровой реальностью капитализма – и не более того:

«Декларация Барлоу является симптомом глубокого идеологического кризиса, с которым пришлось сейчас столкнуться сторонникам либертарианства „свободного рынка“ внутри онлайнового сообщества. В тот самый момент, когда киберпространство собирается стать открытым для широкой публики, личная свобода, столь высоко ценимая внутри Сети, по-видимому, вот-вот будет ликвидирована в законодательном порядке с сохранением минимальной политической оппозиции или же вообще без таковой».

Здесь важно отметить, что снятие ограничений на рыночную конкуренцию не оказало никакого положительного эффекта на дело борьбы за свободу слова. Наоборот, приватизация киберпространства происходит параллельно с введением суровой цензуры. Будучи не в силах объяснить это явление в рамках «калифорнийской идеологии», Барлоу предпочел ретироваться в неолиберальную гиперреальность и тем самым избежать столкновения с противоречиями реального капитализма. Именно таких критических отзывов, которыми поделились Брин, Беннахам и Барбрук, мы и ожи-

дали. Их критика отражает очевидные тревоги, вызванные манифестом Барлоу. Единственная загвоздка в том, что очевидные тревоги не всегда оказываются обоснованными.

Для начала зададимся вопросом, а справедливо ли обвинять Барлоу в эскапизме? Своим реальным вкладом в борьбу за онлайн-права он известен больше, чем кто-либо, и это факт. В конце концов именно он стал одним из основателей Electronic Frontier Foundation, создание которой стало ответом на слишком суровые меры, предпринятые против хакеров американской Секретной службой.

К тому же он возглавил борьбу за криптоправа. Судя по всему, он мог как выдвигать радикальные идеи, так и заниматься конкретными делами.

Но что же можно сказать насчет утверждения о том, что мы не живем в киберпространстве на самом деле, а являемся жителями болгарского города Пловдива, или Де-Мойна в Айове, или Милтона-Кейнса в Англии? Понятно, что с этим невозможно поспорить. Или все-таки можно? Если копнуть глубже, все оказывается далеко не так просто. Именно эту проблему я старался исследовать и в других работах. Во введении к пятому разделу «Полдня на электронном фронтире» я писал, что персонажи, которые мы создаем в онлайн-режиме (наши личности в виртуальной реальности, или ВР-личности), могут оказаться не менее важными – и не менее реальными, раз на то пошло, – чем те личности, что созданы нами в так называемом реальном мире (РМ). Свою мысль я

попытался проиллюстрировать на примере половой принадлежности (р. 315):

«Если основная часть моих социальных контактов протекает в ВР, а не в РМ, тогда почему бы ВР не иметь больше прав на формирование моей половой принадлежности? Другими словами, если половая принадлежность задается социальными институтами и если большая их часть, к которой я имею отношение, принадлежат к ВР, то почему бы моему ВР-гендеру не быть „реальным“?»

Разумеется, этим я не хотел сказать, что вы меняете свою половую принадлежность, если просто регистрируетесь в Сети как представитель противоположного пола. Сначала необходимо притереться к новому миру, и многое будет зависеть от того, как вас воспримут другие его обитатели. Ключевая идея не столько в том, что ВР-миры обладают решающим влиянием на реальность, а скорее в том, что РМ превысил свое влияние на реальность. Быть может, последнее слово в споре о том, что вообще есть реальность, остается вовсе не за РМ.

Если имеет хотя бы какой-то смысл говорить о влиянии коллективных (общественных) представлений о реальности на самосознание отдельной личности, то еще больше смысла имеет говорить о воздействии общественного сознания на процесс создания политических институтов наподобие правительства. В случае конкретного человека мы можем указать на его физическое тело и сказать, что его Я следует иден-

тифицировать именно с этим физическим организмом. Но если взять правительство, то здесь мы не можем апеллировать к реальному физическому телу, с которым можно было бы идентифицировать обсуждаемый объект. Правительства, его институты и законы по-своему реальны, но очевидно, что эта реальность создана общественным сознанием. Мне кажется, этот момент был упущен из виду некоторыми авторами сборника, участвовавшими в обсуждении проблемы суверенитета киберпространства. Как станет ясно в дальнейшем, рассмотрение указанного аспекта может повлиять на дискуссии о суверенитете онлайн-сообществ и на возникновение властных онлайн-структур в этих сообществах.

Криптоанархия

Понятие «криптоанархия» ввел в оборот Тимоти Мэй (§ 6 и 7), описывая возможные (*неизбежные?*) политические последствия повсеместного использования таких шифровальных технологий, как Pretty Good Privacy. Суть в том, что, чем больше наших сделок проходит в закодированном виде, становится все легче и легче вести бизнес без присмотра традиционного национального государства. В итоге речь пойдет не только о процветании «незаконных» коммерческих операций (по меньшей мере, их станет проще осуществлять), но и о том, что государству станет все труднее взимать налоги. Ведь действительно может появиться вполне сложившаяся теневая экономика, которая в конечном счете обгонит по размерам и жизнеспособности легальную экономику, контролируемую государством.

Это довольно спорное утверждение: если довести мысль до конца, все сведется к тому, что существующие в привычной для нас форме государства обречены, – но считать его ложным априори нельзя. В поддержку этой точки зрения можно высказать следующий аргумент: Интернет не только подрывает существование обычных средств информации, но и изменяет природу нашей коммерческой инфраструктуры. Строго говоря, Интернет и есть наша новая коммерческая инфраструктура. Хотя за прошедшие столетия мы при-

выкли перевозить товары морем, по железной дороге или на грузовиках, через Интернет все равно можно доставить больше. Отметим также, что Интернету нет дела до государственных границ. Информацию и программное обеспечение можно без проблем перекинуть куда-нибудь в Болгарию почти с такой же легкостью, как в Бостон: Интернет позволяет вам заводить бизнес-партнеров в любом уголке земного шара. Если сама личность еще остается привязанной к обычной торговле и коммерческой деятельности (как это происходит на протяжении последних, по меньшей мере, трех тысяч лет), то понятно, что наше самовосприятие начнет отрываться от границ того государства, в котором мы живем.

Наглядный пример этого феномена был приведен в выпуске EFFector Online (volume 9, number 3, March 6, 1996), подготовленном EFR: «Недавно американские таможенники показательно оштрафовали „виртуальную“ корпорацию ACD, разрабатывающую программное обеспечение, на сумму 85 долларов. На корпорацию работают инженеры из Калифорнии и Венгрии, но реальной инфраструктуры она не имеет». Один из продуктов ACD – EPublisher для Сети – был разработан по Интернету без каких-либо встреч или других контактов между разработчиками. Когда венгерские инженеры послали несколько записанных на дискету версий программы своим американским партнерам, посылка была задержана служащими американской таможни Международного аэропорта в Лос-Анджелесе за «нарушение торго-

вой марки». В сопроводительных документах в графе «страна происхождения» венгерские разработчики указали «Интернет», поскольку было сложно приписать готовый продукт только Венгрии или Соединенным Штатам и у владельцев прав на данную интеллектуальную собственность не было какого-то одного адреса. Как сказал представитель ACD Ласло Чаки: «Мы были вынуждены заплатить штраф в размере 85 долларов за нарушение торговой марки. Виртуальная компания в виртуальном городе с вполне реальным штрафом на 85 долларов!»

Сотрудники ACD правильно поняли, что у них нет привязки ни к одному реально существующему государству и место их работы – Интернет. Государственные границы в этом случае ничего не значили.

Кроме того, возможно появление разных валют для разных торговых компаний. Однако эта новая наличность не будет ограничена рамками отдельных географических регионов, но скорее будет зависеть от совокупности деловых контактов. В каком-то смысле новые деньги можно было бы сравнить с древней практикой бартерного обмена между группами с разной производственной специализацией или с оплатой в кредит при совершении покупок в магазинах компании.

Уже давно идут разговоры о том, что в будущем деньги окончательно обретут электронную форму и что используемая технология шифрования даст возможность подполь-

ной экономике уйти от преследования со стороны государства. Шифропанки доказывают, что возникновение подобной подпольной экономики не просто возможно, а неизбежно.

Если мой бизнес – сплошная информация, то ничто не мешает мне вести его через какую-нибудь оффшорную учетную запись, торговать с оффшорными партнерами и иметь дело с оффшорными банками. Рано или поздно появятся новые Россы Перо и Биллы Гейтсы, которые накопят себе миллиардное состояние, потратят самую малость и станут вести свои дела, прибегая к услугам оффшорных банков в Интернете. Правда, этого недостаточно для подпольной экономики даже с оборотом в один миллиард долларов. Подпольный электронный банк будет вкладывать деньги в другие предприятия, таким образом расширяя приток финансовых средств в подпольную экономику. После определенного момента от государственного налогообложения начнет ускользать порядочное количество денег, так что возможности национального государства, позволяющие ему эффективно функционировать, будут подорваны. Если государство решит увеличить налоги, то еще больше предпринимателей ускользнет в электронное подполье, что, в свою очередь, еще больше ослабит жизнеспособность правительства. По крайней мере, таковы аргументы.

Заявления шифропанков по поводу криптоанархии можно оспаривать по двум направлениям: во-первых, действи-

тельно ли наступление криптоанархии неизбежно или хотя бы вероятно, а если так, то желательно ли это в принципе? Что касается последнего вопроса, то Дороти Деннинг (§ 9) доказывает, что придуманное Тимоти Мэем выражение «криптоанархия» – это просто-напросто один из способов лакировки действительности, где царит малоприятное беззаконие:

«Хотя Мэй делает невнятное заявление о том, что анархия не означает беззакония и беспорядка, отсутствие правительства приведет к возникновению именно этих форм хаоса. Я не хочу жить в анархическом обществе, если его вообще можно назвать обществом, и сомневаюсь, что многие хотят этого. Все больше людей привлекает экономический либерализм, концепцию которого разрабатывали Джефферсон, Хайек и другие, – но не анархия. Таким образом, криптоанархисты практически утверждают, что эта технология приведет к исходу, которого не хочет большинство из нас».

По мнению Деннинг, криптоанархия – это не самый желаемый вариант развития событий, однако точка зрения Мэя вполне академическая, поскольку, как считает Деннинг, время криптоанархии вообще никогда не наступит, хотя ее взгляды на причины этого за последние несколько лет претерпели изменения. Изначально Деннинг (§ 9) утверждала, что заслоном на пути криптоанархии станет «депонирование ключей», разработанное в рамках шифровальной технологии:

«Я не считаю криптоанархию неизбежной. Новая парадигма криптографии – депонирование криптоключей – выходит из тени и получает распространение в промышленности. Инструменты, которые предлагает эта технология, не обеспечат абсолютной приватности или полной анонимности любых транзакций. Я утверждаю, что возможности депонирования криптоключей позволят людям отдать предпочтение гражданскому, а не анархическому обществу».

Депонирование ключей предполагает внедрение шифровальных стратегий, обеспечивающих правительственным структурам секретный доступ ко всем зашифрованным процессам передачи информации. Разумеется, подобная технология обернулась бы настоящим проклятием для таких шифропанков, как Эрик Хьюз (§ 8), потому что она серьезно скорректировала бы его тревоги по поводу того, будут ли уважать крупные «безликие» организации нашу личную жизнь и стоит ли им в этом доверять:

«Не приходится рассчитывать на то, что государство, корпорации или другие крупные безликие организации добровольно предоставят нам приватность. Им выгодно разглашать информацию о нас, и мы должны быть к этому готовы».

Чтобы понять причины этого беспокойства, нужно просто оценить степень доверия к правительственным чиновникам, которые будут распоряжаться депонированием ключей. Можно ли доверять низкооплачиваемым правительственным бюрократам настолько, чтобы предоставить им ключи

ко всем нашим зашифрованным сообщениям, особенно к тем, где будет фигурировать информация исключительной финансовой ценности или сведения, щекотливые с политической точки зрения?

В исследованиях Деннинг последних лет, на протяжении которых стала понятна безуспешность попыток ввести в действие шифрование с депонированием ключей, говорится, что даже без этой технологии правоохранительные органы, компенсируя отсутствие ключей к шифрам, оказались способны пресечь криминальную и подпольную деятельность. За примерами обращайтесь к статье Деннинг и Уильяма Бомладшего (§ 12). Деннинг (§ 10) приходит к выводу о том, что у криптоанархии не очень большие шансы:

«Хотя криптография и затрудняет применение законов и даже полностью препятствует проведению некоторых исследований, ситуация ни в коей мере не напоминает анархию. В большинстве дел, с которыми я сталкивалась, правоохранительные органы смогли добыть доказательства, необходимые для вынесения обвинительного приговора».

И все-таки находятся те, кто придерживается противоположной точки зрения, утверждая, что правоохранительные органы обречены на поражение, а наступление криптоанархии неизбежно и даже желательно. Что касается последнего пункта, Дункан Фриссель (§ 11) отвечает на заявленное Деннинг нежелание жить в условиях криптоанархии, откуда вытекает, что если люди вроде нее предпочитают жить под

неусыпным контролем правительства, то такая возможность для желающих останется:

«Что бы ни случилось, вокруг всегда будет существовать множество культов (возможно, государство Соединенных Штатов – один из них), в один из которых человек волен вступить и преклонять колени перед его алтарем. В сущности, по сравнению с текущей ситуацией, когда люди держатся друг друга, разлад во взаимодействии между людьми облегчит существование многих деспотических культов. Недостатка в людях, указывающих своим последователям, что делать, не будет. Ничто не помешает человеку присоединиться к такому обществу».

Разумеется, как совершенно справедливо отметила Деннинг, речь идет не о поклонении деспотическим государственным режимам, а скорее о стремлении к сильному государству, способному эффективно противостоять криминалу. Но и здесь Фриссель настроен скептически. Он считает, что «безопасность», которую могут обеспечить современные государства, слишком часто оказывается призрачной.

Смещение границ

Можно утверждать, что нам нет нужды дожидаться расцвета криптоанархии, чтобы увидеть, как происходит размывание власти правительственных и правовых институтов РМ. Совершенно независимо от технологии шифрования этот процесс уже начался и протекает на наших глазах. Он вызван самыми что ни есть реальными потерями доходов, с которыми столкнулись государства и местное самоуправление. По словам Натана Ньюмана (§ 15), государственная и местная власть стремительно становятся «жертвой наезда на информационной сверхскоростной трассе». Это явление стало побочным результатом недавно принятых правительством решений, в соответствии с которыми органы налогового управления были выведены из подчинения федеральному правительству и штатам и переданы в распоряжение местной власти. Проблема состоит в том, что органы местной власти оказываются абсолютно беспомощными перед лицом многонациональных корпораций, участвующих в электронной коммерции. Взимание налогов было передано местным властям, а они просто не в состоянии собирать налоги в информационной экономике.

Впрочем, взимание налогов и потеря доходов – это не единственные факторы, имеющие значение в данной ситуации. Постановка ряда правовых вопросов утрачивает смысл,

если их рассматривать в контексте территориальных границ. Дэвид Джонсон и Дэвид Пост (§ 13) обращают внимание на возникновение независимой юрисдикции в киберпространстве – чем дальше, тем очевиднее это становится. В киберпространстве могут возникнуть такие спорные моменты, уладить которые окажется не под силу всем вместе взятым юридическим институтам, существующим сегодня. Так, например, что делать, если разногласия возникнут между деловыми партнерами, живущими по соседству в киберпространстве, но физически находящимися за тысячи километров друг от друга – в странах с разными судебными системами? Как поступить в этом случае: разрешить спор согласно законам РМ, действующим в одной из стран, или лучше все-таки обратиться к облеченным новыми полномочиями институтам, действующим по виртуальному «адресу» истцов в киберпространстве? К трудноразрешимым вопросам, которые будут не на шутку озадачивать обычное, привязанное к конкретной территории законодательство, относятся закон об охране торгового знака (а он искони имеет территориальную привязку), закон о клевете, регулирование профессиональной деятельности в Интернете и закон об авторских правах. Джонсон и Пост приходят к выводу о том, что следует ожидать появления новой онлайн-юрисдикции:

«Глобальные компьютерные коммуникации рассекают территориальные границы, создавая новую область человеческой деятельности и подрывая осуществимость – и леги-

тимность – применения законов, основанных на географических границах. В то время как электронные коммуникации сеют хаос среди географических границ, на свет появляется новая граница – созданная из заслонов и паролей, отделяющих мир виртуальный от „реального мира“, из атомов. Эта новая граница определяет обособленное киберпространство, которое нуждается в своем собственном праве и правовых институтах и может их создать».

Дэвид Пост (§ 14) идет еще дальше и указывает на возможность возникновения целого множества онлайн-правовых систем и формирование своеобразного свободного рынка внутри них, где онлайн-сети станут отбивать друг у друга граждан, оптимизируя свои своды правил:

«Модель, обрисованная выше, предполагает, что, хотя каждая отдельная сеть может быть ограничена „сверху“ в отношении наборов правил, которые она может или не может принимать, совокупная область действия подобных наборов правил в киберпространстве будет гораздо менее чувствительна к такому контролю. Своего рода соревнование между отдельными сетями по проектированию и применению наборов правил, которые совместимы с предпочтениями отдельных пользователей объединенной сети, материализуется, таким образом, в виде нового и в основном нерегулируемого, почти не поддающегося регулированию рынка правил. Поэтому результат отдельных решений в пределах этого рынка – совокупный выбор отдельных пользователей, ищущих кон-

кретные наборы правил, наиболее соответствующие их предпочтениям, – будет в значительной мере определять форму „закона киберпространства“».

Появление законодательства в киберпространстве

До сих пор мы обсуждали возможность развития новой онлайн-правовой системы, но мало что сказали о характере самих законов и институтов, которые могут появиться. Поскольку пока по большей части мы можем лишь строить догадки, хоть как-то прояснить этот вопрос поможет изучение правовых институтов, сформировавшихся к сегодняшнему дню. Эти правовые системы возникли, главным образом, в таких причудливых средах, как MUD (многопользовательские сетевые игры) и MOO (объектно-ориентированные MUD), которые по своей сути являются текстовыми виртуальными средами. Для кого-то MUD и MOO – это всего лишь детально разработанные игры «Подземелья и драконы», но кое-кто утверждает, что в этих средах рождаются самые настоящие виртуальные культуры и институты власти, так что мы можем многое узнать, изучая их.

Один из известных примеров – Lambda MOO, придуманное Павлом Кертисом из Исследовательского центра Пало-Альто корпорации Xerox. Своей известностью Lambda MOO во многом обязано вызвавшей широкий резонанс статье «Изнасилование в киберпространстве» Джулиана Диббеля, появившейся в Village Voice (повторно публикуется в § 29 в «Полдне на электронном фронтире»). Как и в слу-

чае с другими MUD и MOO, Lambda MOO начиналась с аристократии (или «магократии»), то есть изначально программисты имели абсолютную власть и отвечали за виртуальное улаживание всех социальных конфликтов. Потом в своем знаменитом письме, размещенном на доске объявлений в Lambda MOO, главный мастер Хаакон (то есть Павел Кертис) объявил о новом направлении в развитии Lambda MOO:

*Сообщение 537 on *social-issues (#7233):*

*Время: среда, 9 декабря 1992, 23: 32: 29 по
стандартному тихоокеанскому времени*

От: Хаакон (#2)

*Кому: *social-issues (#7233)*

Тема: переход на следующий уровень...

[отрывок]

Сейчас я вижу, что общество Lambda MOO достигло того уровня сложности и многообразия, которого я так ожидал и на который надеялся с того момента, когда вместе с четырьмя хакерами впервые задумался о создании этого места. И вот птичка вылетела из гнезда.

На мой взгляд, это общество больше не нуждается в матерях-магах, стерегущих гнездо и стремящихся привить птенцам дисциплину ради их же собственного блага. Пришла пора, когда маги должны отказаться от роли «наседки» и начать относиться к этому обществу как к группе взрослых, у которых есть собственные побуждения и цели.

Так что последнее общественное решение, которое мы принимаем за вас, хотите вы, самостоятельные взрослые, этого или нет, состоит в том, что маги умывают руки и перестают следить за дисциплиной, устанавливать правила поведения и разрешать споры; это бремя и свободу мы передаем обществу в целом. Мы больше не будем играть роль «поборников справедливости», к которым можно было бегать жаловаться на кого-то и все в таком духе. Крылья этого общества еще не совсем окрепли (это скажет каждый, кто ознакомится с дискуссией по социальным вопросам), но я думаю, что в них уже достаточно силы, чтобы позволить ему взлететь.

Лично я считаю, что маги должны превратиться в системных программистов: наша работа заключается в том, чтобы поддерживать нормальное функционирование МОО и улучшать его исключительно в техническом плане.

Вскоре предложенный Хааконом новый курс прошел проверку на прочность, когда разгорелись споры по поводу виртуального сексуального нападения, совершенного одним из обитателей Lambda МОО по имени Mr. Bungle. Bungle использовал «куклу вуду» – компьютерную подпрограмму, позволяющую устанавливать временный контроль над действиями других виртуальных личностей, – с целью подчинить себе несколько виртуальных человек и принудить их к отвратительным сексуальным актам (виртуальным). Жертвы – или скорее реальные люди-пользователи – ничего не могли с этим поделать. Им оставалось лишь наблюдать за тем,

как их виртуальные личности подвергаются насилию (само собой, при желании на это можно было не смотреть).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.